

Таким образом, отказ от ответа обусловлен взаимодействием разнообразных ситуационных факторов и фоновых заданий адресанта и адресанта. Для более детального анализа этих экстралингвистических факторов представляется полезным ввести в прагматическое исследование (с соответствующей экспликацией) психологические понятия мотива и цели. Что же касается собственно языкового аспекта, то отказ от ответа оформляется в виде реплик различного типа (от краткого односоставного и неполного предложения до нескольких предложений). Ситуационные факторы могут накладывать отпечаток на лексико-синтаксическую структуру отказа: прерывистые (оборванные) предложения, стандартные ответы, клише, мнимые переспросы разных моделей и т. п.

Список литературы: 1. *Абдукадырова Т. М.* Интонация разделительных вопросительных предложений в современном немецком языке. М., 1971. 2. *Бровеев О. Т.* Вопросно-ответные диалогические единства с репликами подтверждения и отрицания в современном немецком языке. Калинин, 1979. 3. *Конрад Р.* Лингвистические аспекты формализации структур типа «вопрос — ответ». — В кн.: Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск, 1979, с. 3—19. 4. *Conrad R.* Zur pragmatischen Bedeutung von Sätzen. — In: Sprache und Übersetzung. Leipzig, 1983, S. 40—44. 5. *Binowitsch L. E., Grischin N. W.* Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. M., 1975. 6. *Fallada H.* Kleiner Mann — Was nun? B.; Weimar, 1970. 7. *Otto H.* Die Zeit der Störche. B.; Weimar, 1968. 8. *Steiniger K.* Rausch. B., 1976. 9. *Strahl R.* In Sachen Adam und Eva. B., 1970. 10. *Veken K., Kammer K.* Micki Mager. B., 1980. 11. *Wittgen T.* Das sanfte Mädchen. B., 1979.

Поступила в редколлегию 02.10.84.

В. И. КАРАВАШКИН, канд. филол. наук,
Ю. Б. КАРПЕНКО

ОБЪЕКТНЫЕ КОМПОЗИТЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Объектная связь (ОС) в философии и логике рассматривается в качестве одной из фундаментальных связей окружающей действительности [4, 8—10, 13], в лингвистике — как грамматическая связь, выражаемая в языке различными способами [1—3, 12, 14, 15]. На материале немецкого языка лингвисты изучали ОС как на уровне простого предложения, так и сложного предложения [2, 5—7, 9, 11]. Однако на уровне сложного слова ОС учеными пока еще специально не исследовалась.

Целью данной работы является описание моделей сложных слов с ОС между компонентами и определение факторов, влияющих на функционирование объектно-компаративных моделей. В нашей выборке (2500 с. текста) зафиксировано 207 композит с имплицитно представленной ОС. Их анализ позволяет выделить три модели сложных слов объектного типа:

$S + P_1$ (hilfesuchend, achselzuckend); $S + P_2$ (haßerfüllt, schneebedeckt); $S + A$ (frostepfindlich, erholungsbedürftig).

Рассмотрим структурные модели сложнопричастных соединений и сложных прилагательных как единицы языка, которые состоят из постоянных элементов, объединенных закономерной связью. Их постоянными элементами следует считать морфолого-структурные типы компонентов. В качестве первого компонента выступают имена существительные для обозначения объекта воздействия. Второй (ядерный) компонент выражает само действие в соответствующей форме. Он тесно связан с системой глагола и не только в силу своей структурной соотнесенности, но и благодаря тому, что в нем отражаются семантические и грамматические особенности опорного глагола.

Второй компонент сохраняет залоговую и видовременную характеристику соответствующего причастия, глагольное управление и глагольный характер сочетаемости. Ядро может управлять первым компонентом в форме винительного (137 единиц, или 66,3 %), дательного (63 единицы, или 30,2 %) и родительного падежей (7 единиц, или 3,5 %).

С точки зрения семантической принадлежности среди первых компонентов выделяются группы существительных, несущих определенную смысловую нагрузку:

участие, воздействие на что-либо (Anstoß, Hilfe); чувства (Angst, Haß); части тела (Herz, Auge); психическое состояние (Mut, Ruhe); состояние здоровья (Krankheit, Gesundheit); минералы (Kalk, Kohle); продукты питания (Mehl, Milch); живые существа (Insekt, Mensch); физические явления и явления природы (Himmel, Wärme); растения (Beere, Holz); жизненные процессы (Leben, Tod); предметы, связанные с деятельностью человека (Span, Spalier, Maschine).

Среди вторых компонентов выделяем две группы единиц, обозначающих конкретные и внутренние действия. К первой группе относятся:

создание объекта заново (herstellen, bilden); объект испытывает частичные изменения (teilen, bearbeiten); объект изменяется полностью (zerstören, verzehren); объект перемещается в пространстве (bringen, führen, leiten); владение, использование и овладение объектом (haben, verbrauchen). Ко второй группе можно отнести, например, такие действия: hassen, begehren.

В результате предварительных наблюдений установлено, что ОС находит свое выражение и в системе немецких сложных слов. Черты, характерные для всех трех моделей, сводятся к следующему:

а) с генетической точки зрения большинство функционирующих в качестве первых или вторых компонентов единиц относятся к исконно немецким;

б) со стороны стилистической маркированности/немаркированности все единицы, кроме глагола begehren, являются стилистически нейтральными;

в) в структурном плане лексические единицы в роли первых компонентов, как правило, выполняют функцию простых, а вторых компонентов — корневых и производных;

г) с семантической точки зрения все имена существительные и глагольные формы в качестве первых (вторых) компонентов объектных композит принадлежат к одинаковым семантическим группам.

Различие между моделями заключается в частотности употребления самих моделей. Преимущественное использование первой модели происходит потому, что здесь наиболее четко выражается ОС. Для второй модели характерен оттенок пассивного действия, а ОС в третьей модели более «заметна», чем во второй. В дальнейших исследованиях необходимо детально изучить и описать каждую из моделей по параметрам, выявленным в ходе анализа.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка (Система отношений и система построений). Л., 1973. 2. Акулова К. П. Разграничение членов предложения в современном немецком языке. Л., 1971. 3. Анацкий И. Н. Историко-типологический анализ сложного слова в современных германских языках. — В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 145—165. 4. Архипцев Ф. Т. Актуальные аспекты взаимоотношений субъекта и объекта. — В кн.: Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975, с. 310—322. 5. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. 6. Гулыга Е. В., Розен Е. В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. М., 1977. 7. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексическое поле в современном немецком языке. М., 1969. 8. Задвицкая Д. М. Специфика категории «объект» в научном познании социальной реальности. — В кн.: Категории диалектики и их методологическая и мировоззренческая функция. Чебоксары, 1983. 9. Кибардина С. М. Категория субъекта и объекта и теория валентности (на материале немецкого языка). — В кн.: Категория субъекта и объекта в языках различных типов. М., 1982. 10. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 11. Крашенинникова Е. А. Новое в немецкой грамматике. Учение о предложении. М., 1961. 12. Лучший В. В. Члены предложения и виды синтаксической связи в их взаимообусловленности. Донецк, 1981. 13. Любутин К. Н. Проблемы субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981. 14. Фомина Н. П. Дополнение в немецком языке. — В кн.: Вопросы английской и немецкой филологии. Псков, 1963, вып. 13, с. 62.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

Р. Р. КАСПРАНСКИЙ

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНО-СИТУАТИВНЫХ КООРДИНАТ В СЖАТИИ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Высказывание служит основной коммуникативной единицей языка, в пределах которой реализуются коммуникативная функция языка и функции составляющих его единиц. Предложение является единицей синтаксического уровня языковой структуры. В фор-

мально-грамматическом плане существенно только соблюдение нормативных правил структурирования предложения, и в этом смысле предложением могут считаться и «Глокая куздра...» Л. В. Щербы, и «The iggle squigs...» дескриптивистов. Когда предложение выступает в качестве дидактического объекта в процессе обучения языку, то именно эта сторона выступает как существенный признак предложения.

Для грамматиста и изучающего язык в чисто формально-структурном его аспекте оба предложения «На столе лежит книга» и «Книга лежит на столе» будут правильными. Но в качестве высказывания правильным может быть только одно из них, ибо в коммуникативной ситуации, когда коммуниканты не знают о какой книге идет речь, второе предложение совершенно неуместно. Если коммуникантам уже известно о книге, то первое предложение неинформативно и может вызвать только недоумение.

Высказывание как коммуникативная единица языка всегда локализовано в определенных контекстуальных и ситуативных координатах, которыми устанавливаются конкретные предписания в смысловом, звукофонемном структурировании и в целом во всей звукоматериальной репрезентации высказывания. Разумеется и социально-региональные координаты регламентируют реализацию языкового высказывания (например, нельзя сегодня пользоваться языком XVIII в. ни в одной коммуникативной ситуации). Однако это уже другой план порождения высказывания («вертикальный срез»), а мы ведем речь о «горизонтальном срезе» регламентирующих координат.

Порождение высказывания — это чрезвычайно сложный процесс в своей планирующей и исполнительной частях, требующий учета большого количества лингвистических и экстралингвистических факторов: от оценки познавательного уровня и общего интеллекта партнера по коммуникации до оценки места высказывания в цепи коммуникативного акта и сиюминутной коммуникативной ситуации. С этой точки зрения, наши «грамматические» предложения можно охарактеризовать как высказывания, рассчитанные на нормальный познавательный уровень, средний интеллект партнера по коммуникации и максимально избыточный для любой коммуникативной ситуации. Ни один естественный коммуникативный процесс не может строиться из последовательности «грамматических» предложений, за исключением чтения информационных текстов и художественно-монологических произведений вслух (перед аудиторией, по радио и телевидению). Во всех остальных случаях цепь коммуникации строится как целое, где каждое высказывание учитывает не только то, что было сказано раньше, но и то, насколько и какая часть высказывания информативна для слушателя. Те элементы высказывания, которые оцениваются как неинформативные (малоинформативные), могут быть не реализованы и не реализуются. Данная тенденция имеет характер сокращения материально-звуковой манифестации высказывания.

Последнее реализуется по двум направлениям. Во-первых, за счет семантических компонентов состава «данного» по степени коммуникативно-ситуативной избыточности части этих компонентов (вплоть до оставления только состава «нового»). Например, в диалогической речи фраза «Сегодня скорым» репрезентирует полное высказывание «Я приехал в Москву из Горького сегодня утром скорым поездом», когда партнеру известно, что я живу в Горьком, откуда скорый поезд прибывает в Москву утром. Во-вторых, за счет сокращения (элиминирования) функционально ненагруженных (малонагруженных) формальных единиц, звуковых сегментов и параметров.

В первом случае сжатие и сокращение высказывания происходит за счет пресуппозиции, макроконтекста и непосредственных условий коммуникации. Во втором случае решающую роль играет апеллятивный аспект акта коммуникации, т. е. характеристики партнера по коммуникации. Почвой и питательной средой для сокращений второго типа являются два основных фактора: избыточность языковых средств и величина функциональной нагрузки языковой единицы. Функциональная нагрузка и избыточность имеют два оценочных момента. В чисто лингвистическом плане их величина может быть измерена и установлена довольно точно методами теории вероятности и теории информации. В коммуникативном плане она колеблется в широких пределах как переменная от конкретных коммуникативных координат высказывания. Рассмотрим проявление этих факторов на уровне звукофонемного структурирования высказывания как коммуникативной единицы.

Любое сочетание хотя бы двух единиц на чисто структурно-внутрилингвистическом уровне уже создает избыточность, уменьшая при этом функциональную нагрузку, приходящуюся на каждую отдельно взятую единицу. Функциональная нагрузка единиц звукофонемного уровня уменьшается в нескольких плоскостях.

На самом *звукофонемном уровне* это происходит за счет предсказуемости, связанной с дистрибуцией звуковой единицы. Например, в немецком языке в модели сочетаемости СССРГ — после [ʃt] возможен только сонант [r], благодаря чему его функциональная нагрузка снижается почти до нуля и сохраняется лишь признак «согласный». Поэтому в реальном произношении здесь могут выступать звуки [g], [ɣ], [x], [v] и др. без ущерба для информативности всей модели.

На *антропофоническом, акустико-перцептивном уровне* функциональная нагрузка снижается за счет ауксилиарных признаков стыкующихся звуков. Например, переходный участок гласного несет в себе информацию о соседнем согласном, особенно в модели СГ — так, что этот согласный «подсказывается» гласным, теряя собственную информативность. В отдельных сочетаниях в аллегро-речи согласный может быть эллиптирован без ущерба для передачи информации.

На уровне лексической и грамматической сочетаемости создается избыточность морфем, части слова или целого слова благодаря семантической вероятности и предсказуемости морфемы (компонента) сочетаемости, которые вследствие этого теряют часть своей функциональной нагрузки: *des Präsident* (в австрийских газетах), *'n Tag, 'n Dank (guten Tag, schönen Dank)* (в разговорной речи), Пал Иванычу, Иван Семеныча и т. д.

В обиходном и разговорном языке наблюдается большое количество отклонений от канонических норм в отношении полноты структурных единиц различных уровней. Это вполне естественно, ибо обиходный (разговорный) язык обладает неотъемлемым признаком коммуникативной направленности. Порождение высказывания в обиходном языке опирается не на нормативные требования полноты структурной репрезентации, а на принцип коммуникативной целесообразности, вследствие чего обязательность манифестации сохраняется только у коммуникативно важных компонентов. Компоненты высказывания, которые функционально несущественны, малоинформативны в коммуникативном плане. Этим объясняется манифестация артиклей одним звуком в немецкой обиходной речи: *'s* — «*das*»; *'m* — «*dem, einem*»; *'n* — «*den, einen*»; *a* — «*ein, eine*», эллипсирование приставки *ge-*, суффикса и флексии *-n* и т. д. Напр.: *'s Mädchen; 'm Kind; 'n Knaben; a Knab; hat 'nomm* (hat genommen) etc.

Наиболее показательны в данном смысле диалекты, которые имеют только устные формы существования за исключением, например, венского диалекта (немецкого языка), над которыми не довлеют нормы письменного языка (*Schriftsprache*), единственной сферой функционирования которых является живое устное общение. В диалектных нормах узаконены случаи эллипсирования функционально малозначимых компонентов высказывания.

Благодаря контекстуальной и коммуникативно-ситуативной избыточности могут быть деформированы и эллипсированы целые словоформы и более сложные компоненты высказывания. Средства реализации экспликативного аспекта языкового высказывания избыточны уже на звукофонемном уровне в целом на 50 % [1, с. 34], а составляющие его звуковые сегменты функционально нагружены в пределах 10 %. Эллипсирование функционально ненагруженных морфем и слов (словоформ) выражаются в звуковом составе манифестации высказывания в артикуляционно-акустическом плане как эллипсирование звуков и групп звуков [2]. Такое положение особенно наглядно представимо специалистам по экспериментальной фонетике, где языковое высказывание представляет собой звуковую волну, зафиксированную приборами. Декодирование интеллектуального содержания (экпликативный аспект высказывания), коммуникативной задачи и информации об адресате (апеллятивный аспект высказывания) может быть произведено только на основе материального носителя информации — звукового колебания в канале связи. Вся информацию надлежит восстановить на

основе этого сигнала, а также нашего языкового и коммуникативного опыта.

Материальный акустический сигнал служит для слуха основой семантической информации. Таким образом, звуковой сигнал (на письме — графический образ) — это информация об информации (средство). Целью же коммуникации является передача семантической информации. В разных коммуникативных, контекстуальных и апеллятивных координатах один и тот же объем семантической информации может быть передан по каналу связи различным составом акустической слуховой информации: от полного (максимально избыточного) до различной степени сокращения и компрессии звука-носителя.

За максимум материального (акустического) несущего семантической информации можно принять модель коммуникации «один — неограниченное множество» как по количественному составу, так и по языковой компетенции. Все остальные коммуникативные модели характеризуются различной степенью компрессии акустической перцептивной информации. Минимумом материально несущего отмечена модель «один — один» (давно и очень хорошо известный партнер). Именно в коммуникативной модели «один — один», т. е. в разговорной диалогической речи в среде коммуникантов, близких по своим языковым, социальным, профессиональным, образовательным, культурным и т. д. характеристикам, зарождаются окказиональные сокращения материального плана языкового высказывания, которые переходят затем в норму этого подъязыка и могут проникать в другие сферы коммуникации. Очень часто этим звеном модели «один — один» являются члены одной семьи (одного профессионального коллектива), в которых налицо самые благоприятные условия для различной «экономии» звукоречения. В устный разговорно-обиходный язык инновации этого типа проникают легко и становятся нормой. В письменно-литературные нормы, где консервативная традиция очень строго «пресекает» подобные отклонения от нормы, инновации проникают с большим трудом, но в каждом отдельном языке — по-разному. Так, наиболее толерантным к подобным инновациям является английский язык, особенно АЕ, который изобилует всякого рода «словами-обрубками» и «формами-обрубками», т. е. различными аббревиатурами, эллипсисами, элизиями. Немецкий литературный язык относится к наиболее консервативным в отношении проникновения любого вида эллипсисов, элизий. Однако в устных вариантах немецкого языка (Umgangssprache), особенно в диалектах, встречается много сокращений на уровне звуков, морфем, слов, которые как бы компенсируют то, что в письменно-литературном языке считается недопустимым. Напр.: Nochher hot r sich a Buch aus m Schrank gnumme un wollt sich mit m Lese bißje abkiehle. Un beim Lese steeßt r uf so n Satz...

Анализ данного предложения показывает не только манифестацию определенного (неопределенного) артикля одним лишь

звуком, но и эллипсирование конечного согласного [t] в слове *upd*, что литературной нормой произношения недопустимо. Эллипсирование суффикса и флексии -п] не чуждо и обиходному варианту произношения, поскольку диалектальная окрашенность проявляется здесь в основном в ударном вокализме.

Таким образом, сдерживающее начало письменного литературного языка и орфоэпические нормы действуют в коммуникативной модели «один — много», и ослабевают в зависимости от направленности коммуникативного акта. При этом сжатие (сокращение) акустической стороны языкового высказывания носит не хаотический (стихийно-произвольный) характер, а подчиняется определенным нормам (нормативным правилам). Причем данные нормативные правила сокращения (эллипсиса и элизии) — своеобразны, специфичны для каждого языка в силу самобытности их фонетического и грамматического строя (эллипсирование же целых слов и словосочетаний имеет, очевидно, всеобщий характер). В этой связи специфические нормы сжатия акустического выражения содержания языкового высказывания могут быть исследованы и описаны, возможно, для основных типов коммуникативных ситуаций. Отдельные лингвистические и экспериментально-фонетические исследования указанного направления подтверждают данную концепцию [3], однако необходимы более массовые исследования на материале различных языков на базе общей теории коммуникации.

Список литературы: 1. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. — В кн.: Новое в лингвистике, 1970, вып. 5, с. 31—44. 2. Каспранский Р. Р. Внутриуровневая, межуровневая и надуровневая компенсация языкового эллипсиса. — В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967, с. 182—190: *его же*. К вопросу о компенсации эллипсиса в речевом сообщении. — Уч. зап. ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1970, вып. 36, ч. 1, с. 52—61. 3. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. — В кн.: Новое в лингвистике, 1975, вып. 7, с. 96—181. 4. Brink L., Lund J. Social factors in the sound changes in modern Danish. — In: Ninth International Congress of Phonetic Sciences 1979. Proceedings, Copenhagen, 1979, 2, p. 181. 5. *Русская разговорная речь*. М., 1973.

Поступила в редколлегию 12.12.84.

Л. А. КУЗНЕЦОВА, канд. филол. наук

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПА ТЕКСТА

Закономерности линейного развертывания текста (тематическая прогрессия) в соответствии с прагматикой обуславливают коммуникативно-семантическую структуру и вместе с лексико-стилистическими особенностями определяют его тип. Принцип последовательной организации смыслового содержания текста оказывает влияние на формирование его типологии. Этот факт особенно очевиден, если сравнивать тексты одной тематики, пробле-

матики, а также идейной направленности и лексической схожести [1—5].

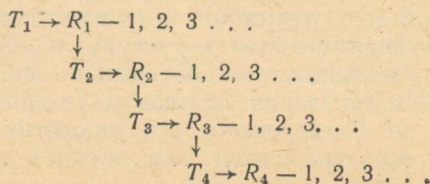
Сравним два текста из литературно-критических произведений Р. Фокса «Роман и народ» и К. Кодуэлла «Иллюзия и действительность» [6, 7]. В анализируемых отрывках писатели подвергают резкой критике фрейдизм, раскрывают несостоятельность, иллюзорность психоанализа в изучении человеческого характера, обращая внимание на пагубное влияние фрейдизма на идейные и мировоззренческие позиции писателей и ученых.

Эти произведения, имеющие в основном схожий сюжет (логикопонятийный план), получили различное структурно-композиционное и стилистическое оформление. Различия достигнуты прежде всего за счет коммуникативной структуры абзаца, его межфразовой связности, если под связностью понимается структурно-семантическая категория текста, проявляющаяся в тематической прогрессии и осуществляемая теми или иными средствами формально-грамматической и лексической связи.

В анализируемом отрывке из книги К. Кодуэлла «Probably in ... and its environment» [7, p. 159—160] раскрываются эмпиризм и полная непригодность положений фрейдизма для научных исследований. Отрывок состоит из трех абзацев, представляющих структурно-смысловое единство с достаточной степенью самостоятельности, что позволяет выделить его в качестве микротекста.

У К. Кодуэлла развертывание текста идет по принципу тематической прогрессии, т. е. каждый абзац вводится новой темой (топиком) в соответствии с его коммуникативным планом. Внутри же абзаца эта тема получает постепенное логико-смысловое развитие, чем и объясняется усложненный синтаксический рисунок абзаца с распространенными определительными и причастными конструкциями, способными передать максимум информации. Такая структура абзацев наиболее типична для эссе данного автора, поскольку каждый новый абзац несет новую информацию, не повторяя содержания предыдущего, без особого влияния на волю и чувства читателя. Середина микротекста (второй абзац) представляет собой сложное нечленимое структурно-смысловое единство с четкой и тесной формально-грамматической связью между компонентами. Первый и второй абзацы выступают как своеобразный зачин и концовка данного микротекста.

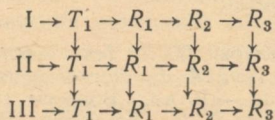
В ходе линейного развертывания информации создаются тематические отношения, которые можно изобразить следующим образом:

С точки зрения лексического состава К. Кодуэлл употребляет слова либо в их основных значениях, либо в терминологических. При этом в тексте преобладает абстрактная лексика и отсутствуют экспрессивно-образные средства. Оценочные и модальные слова (probably, clearly, completely, particularly, unknowable, forcibly) используются для логической интенсификации авторской мысли. Основной функцией, реализуемой данным текстом, является интеллектуально-коммуникативная. Несмотря на общность проблематики и лексическую схожесть, композиционно-стилистическая основа текста Р. Фокса [6, р. 132—133] совсем иная, чем у К. Кодуэлла. Данный текст характеризуется также содержательно-структурной завершенностью с единой коммуникативной направленностью. Главное отличие состоит в соотношении между целевой установкой и структурой речи, способами и приемами коммуникативного развертывания текста, и использовании эмоционально-оценочной лексики. Если у К. Кодуэлла с каждым новым абзацем, как коммуникативной единицей, наращивается смысл, а стиль характеризуется логической доминантой, то в тексте Р. Фокса, прежде всего, идет нагнетание экспрессии за счет синонимии, повтора, параллелизма, градации.

При анализе текста с точки зрения актуального членения на протяжении четырех абзацев рассматривается одна и та же тема: первый абзац — psychology; второй — psychologists; третий — psycho-analysis. Вся же информация сводится к трем ремам: 1) психология накопила много сведений о человеческой психике; 2) писатели не должны игнорировать этот факт; 3) несмотря на все достижения, психоанализ не в состоянии объяснить социальную сущность человека, а поэтому его полная несостоятельность очевидна.

Все абзацы (I, II, III) несут одну и ту же информацию, но с разной степенью экспрессии и эмоциональности, а их информационно-смысловое тождество очевидно. В этой связи текст поддается четкому моделированию:

Тексты отличаются и своими лексико-стилистическими особенностями. Так, для лексического состава текста Р. Фокса характерно наличие абстрактных слов, социальной лексики и терминологии, относящихся к области психологии и социологии. Однако на их фоне отчетливо выделяется эмоционально-оценочная лексика (ignorant, foolish, brilliant, false, courageous, horrors, collapse,

neglect, fail, affect), а также интенсификаторы и модальные слова (enormously, in particular, entirely, etc.).

Кроме многочисленных синонимов, в тексте имеются аналогии, сравнения, метафоры, напр.: *as ignorant...as foolish; apparatus of the individual psyche like rays of light passing through a prism; the anarchy of capitalism in human spirit; intellectual bankruptcy.*

Вместе с риторическими фигурами (антитеза, параллелизм, градация) лексико-стилистические средства способствуют созданию субъективно-оценочной коннотации и экспрессивно-ритмической организации текста. Если лишить текст его эмоционально-экспрессивного наполнения, то он станет нейтральным, объективным. Его фактическую информацию можно представить на уровне одного абзаца (сверхфразового единства), который утратит свою волюнтаривную и эмотивную функции, реализуя при этом только интеллектуально-коммуникативную. Следовательно, общая смысловая насыщенность здесь меньше, чем в тексте К. Кодуэлла, хотя объем текстов одинаков.

Анализ показывает, что коммуникативная заданность приводит к отбору определенных лексико-синтаксических средств и определяет структуру текста, а следовательно, и его тип. По своим функционально-стилистическим характеристикам и коммуникативной структуре высказывания литературная критика К. Кодуэлла и Р. Фокса — это произведения, отличающиеся целевыми установками. Первый из них шел по пути научно-теоретического освещения литературных проблем. Текст выполняет интеллектуально-коммуникативную функцию и принадлежит к научно-функциональному стилю, его гуманитарной разновидности.

Для стиля Р. Фокса характерны ярко выраженная тенденциозность и политическая заостренность. Пропагандистская направленность литературной критики Р. Фокса проявляется на всех уровнях текста — используются как структурно-смысловые, так и экспрессивно-эмоциональные средства языка. Это дает основания считать литературную критику Р. Фокса публицистической.

Таким образом, соотношение и характер структурно-смысловых единиц, создающих тип текста, определяются его коммуникативно-прагматической установкой.

Список литературы: 1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1982. 2. Герд А. С. Логико-понятийная структура научного текста и его семантика. — В кн.: Вопросы семантики. Калининград, 1978, с. 54—59. 3. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. 4. Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. 5. Турмачева Н. А. О типах формальных и логических связей в сверхфазном единстве. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 6. Fox R. The Novel and the People. М., 1956. 7. Caudwell Ch. Illusion and Reality. L., 1937.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

**РОЛЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ
С АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ БАЗОЙ ДАННЫХ**

В настоящее время резко возрос интерес к автоматизированным хранилищам информации или базам данных (БД), поэтому важно расширять круг пользующихся ими лиц. Один из путей, открывающий доступ к базам данных массовому пользователю, — построение систем общения человека с ЭВМ на естественном языке (ЕЯ). Однако современный уровень машинной интерпретации языкового знака накладывает ряд ограничений на ЕЯ диалога «человек — ЭВМ», вследствие чего исследователи, работающие в данном направлении, оперируют понятиями ограниченного естественного языка (ОЕЯ), а также языка, приближающегося к естественному [8].

Решение задачи организации доступа человека к БД на ОЕЯ предполагает построение специального программного комплекса-транслятора, работа которого позволит реализовать однозначную интерпретацию фразы на ОЕЯ через последовательность макрокоманд формализованного языка манипулирования данными, «понятного» системе управления базой данных (СУБД). Общая схема трансляции в таком трансляторе в целом совпадает с традиционно принятой в развитых транслирующих системах. Отличие заключается в преобладающей роли анализа, а синтез, связанный с развертыванием алгоритма порождения и требующий по сравнению с анализом большего количества правил и грамматической информации, существенно упрощается. Поскольку процесс общения в данном случае имеет строго направленный характер и выходной язык (в отличие от систем машинного перевода) ориентирован на ограниченные способности современных ЭВМ к интерпретации, появляется возможность упростить описание входного языка и оптимизировать процесс его анализа. Так, в отдельных случаях можно получить упрощение языковой модели за счет нейтрализации некоторых типологических особенностей конкретного анализируемого ОЕЯ и тем самым устранить избыточную информацию, которая характерна для ряда описаний языка, выполненных в прикладных целях [2, 3], что в целом способствует повышению эффективности работы алгоритма трансляции.

Далее на примере пары конкретных языков определяются те их типологические характеристики, нейтрализация которых не отражается на адекватности и полноте языкового описания и не влияет на ход автоматического анализа. С целью выявления таких черт сравнивались русский и английский ОЕЯ, описывающие один и тот же фрагмент действительности. Выбор указанной пары языков объясняется наличием значительного количества работ по

анализу английских текстов средствами ЭВМ [7], а также тем, что входными языками большинства используемых СУБД служат формализованные языки, построенные на основе английского. Предлагаемый подход иллюстрируется на системах имени существительного и глагола (морфологический аспект).

При сопоставлении английского и русского языков на морфологическом уровне в целях автоматизации морфологического анализа на первый план выступает такая фундаментальная отличительная черта русского языка, как более сложная структура знаменательных слов, концентрация грамматической информации на конце слова, богатство парадигм словоизменения [1, 9]. Не случайно одной из наиболее трудоемких категорий при формальном описании русского языка является категория падежа имени существительного, выражаемая набором соответствующих флексий. Несмотря на многообразие и омонимичность последних, описание русского ОЕЯ может быть упрощено, если частично пренебречь формальным выражением категории падежа, разрешая языковую неэксплицитность на основе знаний об окружающем мире. Это реально в данном случае общения человека с БД, так как концепция базы данных позволяет рассматривать ее как некоторую ограниченную модель действительности, для представления которой разработаны специальные формализмы [5, 11]. Предлагаем следующие направления нейтрализации падежных признаков в русском ОЕЯ.

Устанавливаем возможность редукции общего количества падежных форм в каждой конкретной парадигме за счет использования в трансляторе знаний о соответствующем фрагменте действительности. Так, целенаправленный анализ ряда именных групп со значением времени («второй год десятой пятилетки») можно успешно осуществить, используя специальную структуру для представления знаний — фрейм «ВРЕМЯ», определяющей периоды времени и семантические отношения между ними. Тогда соответствующее семантическое правило будет отражать вхождение периода «ГОД» в период «ПЯТИЛЕТКА», а информация о падеже окажется избыточной. Аналогично в сложных случаях анализа английских словосочетаний типа «call indicator position» многие авторы считают единственно эффективной разработку семантического среза ОЕЯ и введение в систему необходимых экстралингвистических знаний [10, 11], что можно распространить на русские словосочетания с одним стержневым и несколькими грамматически подчиненными компонентами, напр.: «средства автоматизации процессов стерилизации». Отсутствие формального признака «ПАДЕЖ» в английском языке [1] приводит к тому, что при автоматическом анализе английских именных групп распознавание сводится к разрешению многозначности предложных форм и разработке семантических правил в рамках ОЕЯ.

Находим случаи, когда имеющийся в распоряжении анализатора аппарат распознавания должен предусматривать обработку

отдельных сем с собственно падежным значением. Например, творительный падеж — значение орудийное, определительное, субъектное, объектное и др. [9]. На ограниченном фрагменте действительности эти значения могут модифицироваться, ср.: «сделано заводом» — «сделано цехом». Если в качестве производителей оборудования рассматриваются единицы уровня «ЦЕХ, ЛИНИЯ», а «ЗАВОД» определен как место локализации осуществляемого действия, то в творительном падеже словоформы «заводом» доминирует обстоятельственно-определительный оттенок значения, интерпретируемый системой как семантический падеж «ЛОКАТИВ». В английском языке может, например, произойти нейтрализация значения орудийности предлога «by». Таким образом, в системах, ориентированных на рассматриваемый класс общения, семы с собственно падежными значениями должны пересматриваться, дополняться, видоизменяться, часто приближаясь к семантическим падежам типа падежей Ч. Филлмора [10, 12].

Определяем степень необходимости выражения категории рода. В русском языке, имеющем последовательное грамматическое выражение рода, его нейтрализация нежелательна даже в системах общения с БД, где конструкции с местоименной соотнесенностью сведены к минимуму. Признак рода облегчает определение границ именных словосочетаний. Для ряда интерфейсов с СУБД категория рода имеет содержательный смысл лишь тогда, когда противопоставление по роду приводит к выполнению СУБД различных функций. Так, для БД «Кадры» следует различать понятия «СОТРУДНИК» и «СОТРУДНИЦА», если запрашивается информация о лицах мужского пола. В английском языке автоматизированное распознавание этого случая представляет бóльшую сложность из-за отсутствия у существительных формального признака рода и решается, как правило, путем анализа окружающего контекста.

Рассматриваем необходимость актуализации признака «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ». Если для БД разграничение признаков живого и неживого не актуально, то сема $\pm$ «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ» в русском языке может быть нейтрализована. Корреляция признаков «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ — РОД СЕМАНТИЧЕСКИЙ» для БД не представляет интереса, так как «РОД» в качестве признака выделяется самостоятельно на основе потребностей распознавания. В английском языке нейтрализация семы $\pm$ «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ» нежелательна, так как автоматическое отождествление имен и соответствующих местоимений (в случаях, когда местоименная соотнесенность допустима) происходит на основе разграничений местоимений he, she от it по признаку одушевленности.

Определяем множество словоформ, для которых сема $\pm$ «ЕДИНИЧНОСТЬ» не актуальна в смысле распознавания (например, собирательные, вещественные, абстрактные существительные). Категория числа как противопоставление «ОДИН — МНОГО» в основном содержательно интерпретируется любой БД. Наличие небольшого количества супплетивных форм и четкое формальное

выражение множественности в английском языке не вызывает осложнений при автоматической идентификации форм единственного и множественного числа. Формальное описание русского ОЕЯ в связи с категорией единичности усложняется, а на этапе морфологического анализа сема $\pm$ «ЕДИНИЧНОСТЬ» должна приписываться каждой русской словоформе с учетом возможной омонимии флексий, ср.: «в течение дня» — «за два дня».

В целом признак «ЧАСТЬ РЕЧИ» релевантен для лингвистических процессоров с любого ОЕЯ, поскольку позволяет произвести первичное семантическое разграничение между наименованиями предметов, признаков и действий, а также соотнести их с определенными элементами концептуального представления предметной области.

В системе глагола как части речи с признаком «ДЕЙСТВИЕ» для автоматического анализатора интерес представляют глагольные категории «ВРЕМЯ» и «ВИД». В условиях общения «человек — СУБД» задача интерпретация грамматического времени в терминах реального облегчается, так как грамматическая точка отсчета времени в этом случае всегда совпадает с моментом речи. Для соотнесения глагольного времени с реальным в целях однозначной интерпретации действий для русского ОЕЯ реально значима следующая группировка глагольных времен: глагол настоящего времени, глагол прошедшего времени, глагол будущего времени. Применительно к английскому языку это означает актуализацию времен группы Indefinite, поскольку именно она способна передавать смену событий и их динамику [4].

Интерпретация временного плана в русском языке требует тщательного выбора смысловоразличительных оппозиций на основе значений вида как лексико-грамматической категории, отражающей такие оттенки действия, как повторяемость, длительность, многократность, результативность и т. п. Если противопоставление «ТОЧКА — ПЕРИОД» на временной оси приводит к разным действиям СУБД, то необходимо эксплицировать сему $\pm$ «ДЛИТЕЛЬНОСТЬ». В современном английском языке отсутствует категория вида [II], однако категориальные видовые значения находят свое выражение в системе времен, в частности, во временах групп Copitinous Perfect. Наличие четких формальных показателей групп английских времен, а также более устойчивый по сравнению с русским языком порядок слов позволяет практически в каждом конкретном случае приписать глагольной форме семы $\pm$ «ЗАВЕРШЕННОСТЬ», $\pm$ «ДЛИТЕЛЬНОСТЬ».

Итак, предлагаемая редукция грамматической информации при описании русских морфологических классов сближает автоматическое распознавание русского ОЕЯ с анализом, выполняемым для языков аналитического строя, открывая возможность определенной унификации подходов при разработке лингвистической компоненты трансляторов с ОЕЯ, рассчитанных на различные естественные языки.

Список литературы: 1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979. 2. Белоногов Г. Г., Кузнецов Б. А. Языковые средства автоматизированных информационных систем. М., 1983. 3. Городецкий Б. Ю., Раскин В. В. Методы семантического исследования ограниченного подязыка. М., 1971. 4. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961. 5. Кокорева Л. В., Маланишин И. И. Проектирование банков данных. М., 1984. 6. Литвиненко И. В. Семантические отношения в базе данных и построение языка запросов пользователя. — Вестн. Харьк. ун-та, 1985, № 274, с. 39—43. 7. Осыка А. Ф. Исследования по созданию удобного для пользователя интерфейса. — НТИ. Сер. 2, 1984, № 1, с. 15—18. 8. Попов Э. В. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982. 9. Русская грамматика: В 2-х т. / Под ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980, т. 1. 10. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, с. 74—123. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980. 12. Fillmore Ch. The Case for Case. In: *Universals in Linguistic Theory* / E. Bach, R. T. Harms. N. Y., 1968, p. 1—88.

Поступила в редколлегию 10.08.84.

Т. Ф. ЛОКШИНА

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ВЫДЕЛЕНИЮ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

Проблема экспрессивной функции языка многоаспектна. Поиском ее решения занимаются не только лингвисты, но и специалисты других отраслей науки. Планы выражения и содержания экспрессивной функции языка настолько сложны, что возможны различные их трактовки и принципы систематизации [см. 1—3, 7, 11, 15, 17].

Если интерпретировать функции языка и его отдельных единиц в их взаимосвязи и взаимодействии в рамках высказывания, то можно найти единый подход в определении адекватности и правомерности различных решений. Под высказыванием мы понимаем «речевую единицу, соответствующую предложению, сложному синтаксическому целому и более сложным единствам, выступающим в тексте» [4, с. 20]. В исследованиях, как правило, не эксплицируется процесс воплощения функции языка в функциях его конкретных единиц, которые составляют предложения, актуализируемые в высказывания, а также переход от экстралингвистического уровня анализа к собственно лингвистическому. В такого рода исследованиях с начала 70-х годов наметилась устойчивая тенденция рассматривать понятие «функция» на двух уровнях анализа: 1) применительно к языку в целом и определение его функций как сущностных характеристик; 2) применительно к функциям отдельных элементов языка. Первый уровень анализа допускает построение различных моделей функциональной стороны языка в зависимости от того, как решается вопрос о соотношении языка и мышления, а также взаимодействия языка и общества [9, 12, 20—22]. Второй уровень допускает не менее трех толкований поня-

тия «функция»: 1) значение элемента (формы); 2) цель, осуществляемая элементом (конструкцией) в составе единиц более высокого ранга; 3) позиция элементов (форм), представленных либо линейно, либо в виде дерева отношений. Первые из них раскрываются в полной мере только в рамках высказывания как единицы, которые, функционируя в речи, являются местом средоточия формально-структурного, семантического и функционального.

В лингвистической литературе превалирует идея полифункциональности языка, а среди его базисных функций называется экспрессивная [5, 12, 15, 20, 21], которая реализуется в любом высказывании [2, 3, 5, 12, 15, 17]. Именно лингвистическая постановка проблемы экспрессивной функции предполагает определить, «в каком феномене языка находит свое воплощение...функция, а затем уже (курсив наш.— Т. Л.) установить, какими конкретными средствами данного языка этот феномен реализуется» [14, с. 56]. Основной методологический просчет исследователей, ставящих своей задачей определение более или менее полного перечня средств выражения экспрессии, состоит в игнорировании различий в понимании функции в качестве сущностной характеристики языка в целом, и как собственного значения и цели употребления составляющих его единиц. Это ведет к разночтению в определении семантического состава экспрессивности, к смешению понятий «функция», «значение», «средство» и, в конечном счете, не может служить надежной базой для систематизации. Примером данного положения служит проблема «экспрессивное»: «эмоциональное» с наложением ряда других значений (образное, эффективное, изобразительное, выразительное и др.), различные решения которой предлагают практически все исследователи экспрессивности.

Одно из возможных решений проблемы, в которой рассматривается реализация экспрессивной функции языка через функции его единиц, предложено И. Г. Торсуевой. Она считает, что «языковым феноменом, воплощающим экспрессивную функцию, является смысловое членение высказывания» [15, с. 32]. Теория смыслового членения высказывания, в частности, предполагает наличие в высказывании наиболее важного элемента (элементов) с точки зрения говорящего, а также второстепенных элементов на определенных участках коммуникации, представляющих как данную, так и новую информацию. Известная оппозиция «данное — новое» (также «тема — рема», «основа — ядро», «topic — comment», «shared information — non-shared information») охватывает расчленение выражаемой в предложении мысли («...на предмет мысли — речи — то, относительно чего нечто утверждается, и предикат мысли — речи — то, что утверждается о предмете» [19, с. 96] и отражает такой вид смыслового деления как актуальное членение (АЧ). Разновидностями смыслового членения являются теории тернарного членения, функциональной перспективы предложения. Согласно последней предполагается градуированный переход элементов с меньшей коммуникативной нагрузкой (динамизмом) к эле-

ментам с большей нагрузкой. И. Г. Торсуева разрабатывает еще один вид смыслового деления — *членение высказывания по степени важности*. Исходя из данной разработки «экспрессивная функция понимается как находящая свое воплощение в этом виде смыслового членения высказывания» [15, с. 33].

Такое понимание экспрессивной функции согласуется с основным корпусом определений экспрессивности, выработанным исследователями, рассматривающими проблему с различных позиций. Дифференциальный признак экспрессивности практически однозначно определяется терминами «усиление», «выделение». В развернутых дифинициях речь идет о таком свойстве «текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление...» [1, с. 62]; а также «выделение того участка информации, передаваемой коммуницированной пропозицией, которая с точки зрения говорящего является самой важной» [22, с. 212].

Представляется, что членение высказывания по степени важности необходимо дополнить понятием «информативный центр» (*information focus*), предложенным С. Диком, Н. Энkvистом, О. А. Лаптевой и др. [6, 22, 23].

Разрабатывая этот вид смыслового членения, И. Г. Торсуева предполагает анализ по степени значимости всех элементов высказывания, поскольку исследуется такое существенное средство реализации членения по степени важности, как интонация. В данной работе основное внимание обращается на роль, которую играют в выражении этого типа членения единицы других уровней. Следовательно, необходимо выявить разноуровневые маркеры, сигнализирующие информативный центр, так как именно они могут сложиться в систему средств выражения экспрессивной функции. Выдвигая идею информативного центра, О. А. Лаптева определяет его как универсальную единицу членения высказывания, релевантным для которой оказывается только один признак — относительная степень коммуникативной (информативной) нагрузки. «Не связанные между собой отношения бинарности и выделяемые не по качественному (содержательному), а по количественному признаку, такие единицы могут быть представлены в высказывании в разном числе (1, 2, 3, ..., n)» [6, с. 41]. Мы считаем, что устранение бинарного членения представления структуры высказывания является крайне радикальной мерой. При всех его недостатках (субъективизм в трактовке «нового — данного», ограниченная применимость к анализу любого текста и т. п.) АЧ по бинарному типу способствует решению задачи коммуникативного представления высказывания и служит одним из средств выражения коммуникативной функции высказывания. Введение иного типа членения, например, по степени важности с определением информативного центра, является лингвистическим феноменом воплощения экспрессивной функции. «Анализ по степени важности и членение на «новое — данное» не исключают, но дополняют друг друга» [15,

с. 37]. В развертывании функциональной перспективы предложения выражается не только коммуникативная, но и экспрессивная функция, так как она использует те же категории актуального синтаксиса тему и рему. *«На эти категории накладываются категории выделения и важности, которые связаны с субъективным представлением высказывания и выявляются прежде всего в рематическом компоненте. Они ориентированы в большей мере на эмоциональную сферу, чем на когнитивную, и соотносимы с категорией оценки более тесно, чем с субстанциональностью, являющейся подосновой темы»* [12, с. 98—99] (курсив наш.— Т. Л.). Эта мысль подтверждается и в других исследованиях, посвященных топикализации и ремовыделению, т. е. явлениям особого усиления (выделения) тематического или рематического компонента (или их частей) в рамках высказывания [см. 7, 11, 18].

При анализе по степени важности (так же, как и при анализе по типу АЧ) присутствует субъективный момент, поскольку точка зрения на степень важности элементов высказывания может быть различной как у посылающих, так и у воспринимающих коммуницированную пропозицию. Имеется объективный фактор субъективного определения самого важного участка информации (информативного центра). Выделяя этот участок, говорящий проявляет тем самым свое отношение к содержанию высказывания, что является неперенным условием его организации. Усиление, выделение, подчеркивание, входящие в семантику экспрессивности, выражают отношение говорящего к содержанию высказывания. Они описываются в грамматике в рамках субъективной модальности, центром которой служит понятие «модуса», выдвинутого Ш. Балли и развитого в исследованиях современных ученых [см. 5, 8, 10, 13]. Экспрессивность в таком понимании неразрывно связана с субъективной модальностью, входит в значение модуса как «особого слоя синтаксического значения, связанного с принадлежностью высказывания говорящему» [13, с. 177] и через него участвует в формировании предложения/высказывания как неотъемлемый его признак.

Однако объективизировать данный тип смыслового членения высказывания удастся только с помощью системного представления средств, маркирующих информативный центр, с последующим анализом функционирования этой системы в среде: выходом на уровень текста и учетом контекстуального окружения, а также коннотаций и транспозиций, ведущих к эмоциональному насыщению высказывания.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981. 2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 3. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Ташкент, 1981. 4. Бондарко А. В. Грамматическая форма и контекст.— В кн.: Русский язык. М., 1984, с. 13—32. 5. Гак В. Г. Высказывание и ситуация.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1972, с. 344—373. 6. Лаптева О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения.— Вопр. языкознания, 1972, № 2, с. 35—47. 7. Носенко Э. Л.

Эмоциональное состояние и речь. К., 1981. 8. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры суждения и предложения. — *Вопр. языкознания*, 1977, № 4, с. 37—48. 9. Панфилов В. З. Языковые функции. — В кн.: *Онтология языка как общественного явления*. М., 1983. 10. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982. 11. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 12. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. 13. Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста. — В кн.: *Русский язык*. М., 1984, с. 173—186. 14. Торсуева И. Г. Теория высказывания и интонация. — *Вопр. языкознания*, 1976, № 2, с. 53—65. 15. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979. 16. Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Ростов н/Д, 1975. 17. Чабаненко В. А. Основы мовой экспресії. К., 1984. 18. Шевякова В. Е. Современный английский язык. М., 1980. 19. Шевякова В. Е. Некоторые аспекты функционального синтаксиса. — В кн.: *Проблемы функциональной грамматики*. М., 1985, с. 93—102. 20. Якобсон Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. — В кн.: *Новое в лингвистике*. М., 1965, вып. 4, с. 372—377. 21. Bühler K. Die Axiomatik der Sprachwissenschaft, «Kant-Studien», 1933, B. 38, S. 14—90. 22. Dik S. C. Studies in Functional Grammar. L., 1980. 23. Enkvist N. E. Marked Focus: Functions and Constraints. — In: *Studies in English Linguistics*. L., 1979, p. 134—152. 24. Halliday M. A. K. System and Function in Language. Oxford, 1981.

Поступила в редколлегию 18.09.84.

А. П. МАРТЫНЮК, канд. филол. наук

ОБ ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖЕНЩИН В ЯЗЫКЕ

Коммуникативный подход в изучении языка предусматривает комплексное исследование языковых явлений с учетом их социолингвистических, прагматических и психолингвистических характеристик. Это обеспечивает наиболее полное описание языковой структуры и способствует преодолению интерференции родного языка и повышению эффективности общения на иностранном. Проблема влияния социальных, территориальных, ситуативных факторов на функционирование языковых единиц привлекает внимание многих исследователей, однако вопрос варьирования языковых единиц в зависимости от пола говорящего не стала еще предметом системного анализа. Данная тема рассматривалась частично некоторыми зарубежными лингвистами на материале английского и скандинавских языков. При этом одни из них акцентируют внимание на отражении в языке социального неравенства мужчин и женщин в буржуазном обществе, другие же подчеркивают некоторые особенности их речи.

Первая серия работ [2, 7] базируется на вульгарно-социологическом подходе к решению проблемы взаимосвязи языка и общества. Авторы данных исследований указывают на прямую зависи-

мость речевого поведения от социальных отношений. Д. Спендер [7] и ее последователи находят прямое соответствие между неравноправием полов в буржуазном обществе и отсутствием «женских» эквивалентов в названиях некоторых профессий, а также преобладанием отрицательно окрашенных слов при описании поведения и привычек женщин. На этом основании строятся утверждения о том, что язык (английский или норвежский) является орудием угнетения женщин [2, с. 416]. Такой вывод представляется противоречивым уже потому, что в английском языке употребляются некоторые названия чисто женских профессий, не имеющие мужских соответствий, например, *charwoman*. Ошибочность приведенной точки зрения становится еще более очевидной, если обратиться к русскому языку. В нашей стране равноправие обоих полов было законодательно закреплено уже в первых декретах Советской власти, однако в русском языке до сих пор отсутствуют «женские» соответствия словам «токарь», «водитель», «летчик», «доцент», «профессор» и т. п. Кроме того, в русском языке также сохранилось много отрицательно окрашенной лексики, относящейся к женщинам. Следовательно, не стоит искать прямой взаимозависимости между языком и социальной структурой общества хотя бы уже потому, что языковая система в силу своей консервативности чрезвычайно медленно реагирует на любые изменения в обществе.

Рассуждения сторонников феминистического движения о том, что язык является орудием угнетения женщин, методологически ошибочны и в силу того, что они основываются на ложной вулгарно-социологической посылке, согласно которой язык не только прямо отражает социальную структуру общества, но и может влиять на отношения в обществе. Так, Ю. Хабермас считает, что многие конфликты, имеющие место в буржуазном обществе, объясняются дефектами общения. По его мнению, стоит только устранить недостатки коммуникации, и в обществе установится социальный мир и справедливость [1]. Отсюда утверждения сторонников радикальных мер по «улучшению» языка, о необходимости искусственного изъятия из него отрицательно окрашенной лексики, описывающей поведение и привычки женщины, и введения «женских» эквивалентов названий некоторых мужских профессий, что якобы способствовало бы устранению социальной несправедливости по отношению к женщинам. Поскольку общественные отношения возникают на базе производственных отношений, устранение дискриминации женщин в языке не повлечет за собой устранения социальной несправедливости, но может создать у масс ложное представление, завуалировать языковыми средствами жизненные реальности. Искусственное введение в язык «женских» эквивалентов названий некоторых профессий, естественно, не означает, что эти профессии станут доступными для женщин, и, наоборот, освоение женщинами новых профессий обуславливает необходимость отражения этих социальных изменений в языке (ср.: «трактористка», «женщина-космонавт» и т. п.).

Описание особенностей речи женщин в основном отражает два противоположные точки зрения: одни авторы недооценивают различия в речи мужчин и женщин, признавая их несущественными [4, 71; другие же склонны преувеличивать эти различия [5]. Однако данные утверждения представляются несколько категоричными. Возможно это объясняется тем, что лингвисты не учитывают степень влияния социальных факторов на различные участки языковой структуры. Так, лексика с большей гибкостью реагирует на экстралингвистические явления, тогда как грамматика испытывает в незначительной степени лишь опосредованное их влияние.

Наибольшее количество различий ожидается на лексическом уровне, но и здесь необходимо более осторожно подходить к любым обобщениям. Утверждения о том, что лексикон женщин изобилует словами, отражающими такие сферы их деятельности и интересы, как одежда, кухня, украшения и т. п., но в то же время в нем довольно бедно представлены технические термины, лексемы, описывающие спорт, автомобилизм, охоту и т. п. [2], не позволяют безоговорочно с ними согласиться, поскольку в обществе разделение сфер деятельности мужчин и женщин может не совпадать. Более того, если представитель мужского пола занят, например, в сфере обслуживания, то его лексикон в данной области может быть гораздо богаче, чем лексикон любой женщины, не занимающейся этим видом деятельности. Наоборот, женщина-спортсменка обладает гораздо большим запасом спортивной лексики, чем не занимающийся спортом мужчина.

Совершенно справедливо утверждение о том, что речь женщин в гораздо большей степени эмоциональна, чем речь мужчин [3, 5]. Это проявляется, в частности, в употреблении семантически опустошенных слов, передающих эмоции: прилагательных типа *gorgeous*, *междометий*, усилительных слов *such*, *very*, *so*. Очевидно, это объясняется определенными психофизиологическими особенностями женщин. С этими же причинами связаны и некоторые различия в интонационном оформлении высказывания в речи мужчин и женщин [3, 5].

На грамматическом уровне особенности речи мужчин и женщин проявляются не так ярко, что побуждает некоторых исследователей вообще отрицать их существование [4]. Причина таких утверждений заключается в неверном подходе к изучению грамматических явлений. Естественно, что на грамматическом уровне не следует искать инвентарных различий (различий в употреблении) тех или иных грамматических форм. Существенный интерес для лингвистов представляет изучение функциональных различий, т. е. варьирование грамматических форм в речи мужчин и женщин в зависимости от степени официальности ситуации общения, социальных ролей говорящих, отношений между ними, их психологии, запаса знаний и т. д.

В рамках такого подхода одним из вопросов, требующих решения, является проблема степени соответствия речи определенной

«социальной группы литературному стандарту в однотипных ситуациях общения. Некоторые ученые склонны утверждать, что речь женщин звучит более официально и, следовательно, в большей степени тяготеет к литературному стандарту [6]. Однако этот вывод требует серьезной проверки, так как до настоящего времени еще не проводилось исследований, где бы речь мужчин и женщин анализировалась с учетом социоситуативных факторов.

Не менее интересен вопрос, представители какого пола употребляют больше вежливых форм. По предварительным данным, большая доля «вежливых» форм при прочих равных условиях была зарегистрирована в речи женщин [5].

Таким образом, анализ исследований по данной проблеме свидетельствует о том, что они носят фрагментарный характер, а содержащиеся в них выводы нельзя признать достаточно аргументированными. Прежде всего, эти работы не отвечают принципу системности, а их авторы не разграничивают формального и семантического варьирования языковых единиц, а также не учитывают соотношения этих типов варьирования с социально-территориальной и функционально-стилистической дифференциацией языка. Кроме того, необходимо разработать единую методику исследования речевого поведения представителей обоих полов с учетом статусов и социальных ролей коммуникантов, их психологии, социокультурного фона и т. д. Представляется, что более глубокие исследования в данном направлении могли бы стать весомым вкладом в теорию языка и общества, в теорию речевого поведения.

Список литературы: 1. *Гайда А. В.* Материалистическое понимание истории и «теория социальной эволюции» Ю. Хабермаса.— *Философ. науки*, 1983, № 1, с. 85—96. 2. *Blakar M.* How sex roles are represented, conserved, reflected in the Norwegian language.— *Studies of language, thought and verbal communication*. L., 1979, p. 409—423. 3. *Bolinger D.* Language — the loaded weapon. L., 1980. 4. *Haber L.* Leaped and leapt: A theoretical account of linguistic variation.— *Foundations of language*, 1976, 14, No 2, p. 211—238. 5. *Lakoff R.* Women's language.— *Language and style*, 1977, 10, No 4, p. 222—248. 6. *Milroy G.* Regional accents of English.— *Belfast*, 1981. 7. *Spender D.* Man made language. L., 1980.

Поступила в редколлегию 01.10.85.

О. А. МАРТЫНЮК

ПРАГМАТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Достижения в области современной лингвистики, социолингвистики, а также интерес ученых к культурологическому и антропологическому плану функционирования языка способствуют значительному расширению предмета изучения теоретической лингвистики, вызывая тем самым необходимость исследования языка как знаковой системы на фоне анализа ситуаций человеческой деятель-

ности. Поэтому вполне закономерно, что в языкознании наметилась тенденция перехода от изучения структуры языка к углубленному исследованию его функционального аспекта, когда особое внимание обращается на анализ строевых черт предложения, связанных с выражением различных значений коммуникативной установки.

Коммуникативная направленность предложения не всегда может быть однозначно определена при анализе его на лексико-семантическом уровне. Как отмечает Г. Г. Почепцов, предложение I'll watch you в зависимости от ситуаций его употребления может выражать констатацию факта, угрозу или обещание [1, с. 269]. Более того, неоднозначность в интерпретации высказывания возникает и при его изучении в рамках одной конкретной ситуации, т. е. в зависимости от того, принимаются ли во внимание его прагматико-коммуникативные свойства. На это указывает и Дж. Лич, рассматривая ряд возможных вежливых вариантов просьбы передать отвертку: 1) Would you hand me that screwdriver? — *Не передали ли бы Вы мне отвертку?* 2) Why don't you hand me that screwdriver? — *Почему бы Вам не передать мне отвертку?* 3) Perhaps you'll hand me that screwdriver? — *Может быть, Вы передадите мне отвертку?* 4) I wonder if you'd mind handing me that screwdriver? — *Позвольте узнать, не возражаете ли Вы против того, чтобы передать мне отвертку?* [6, p. 14]. Кроме ответов типа «Yes, certainly», которые возможны лишь в тех случаях, когда учитывается коммуникативная направленность в приведенных примерах, выражающих просьбу, эти предложения, по утверждению Дж. Лича, могут стимулировать и другие ответы, окрашенные иронией или даже сарказмом, поскольку их коммуникативная установка целенаправленно интерпретируется собеседником неправильно: 1) If what? — *Если что?* 2) Because I'm using it. — *Потому, что она мне нужна самому;* 3) And perhaps I won't. Anything is possible. — *А может быть нет. Все возможно;* 4) Do you really? — *Вас в самом деле это интересует?* [6, p. 14].

Согласно данным, полученным в результате анализа, около 8 тыс. употреблений глаголов **can (could, may), might, must, ought**, в той или иной степени участвуют в выражении коммуникативно-значимого смысла предложения. Так, более чем в 70 % (612 примеров) случаев употребления **may (might)**, смысл этого глагола можно охарактеризовать как «possibility in view of the speaker's evaluation of relevant circumstances». Напр.:

«Where do you plan to go? — I asked her. — «Home». — «Your husband may turn up there. Have you thought of that possibility?» (R. MacDonald).

Несмотря на то, что в словарных статьях, относящихся к глаголу **must**, а также в специальных исследованиях значение «предположение», как правило, приводится на последнем месте. Смысл «necessity causing a statement which is supposition, inference» является для данного глагола наиболее характерным и присутствует в 54,4 % (494 примера) случаев его употребления:

Seaton sat in his cap and coat, smoking a cigarette by the empty fireplace. One hand shaded his eyes as if sun still shone into the room, and he held himself from looking up at her, which told her he **must** be angry about something (A. Sillitoe).

Менее характерно выражение предположения в предложениях с глаголами **can** и **ought**. Так, смысл «предположение» был засвидетельствован в 16,4 % (364 примера) и в 7,5 % (26 примеров) употреблений этих глаголов соответственно:

I don't know what **can** be delaying her (F. G. Slaughter); But I've made five hundred clear and as things are certainly picking up; I **ought** to clear two thousand next year (M. Mitchell).

Анализ предложений с модальными глаголами, в которых выражается предположение, свидетельствует о том, что выделение этого смысла не всегда можно провести на лексико-номинативном уровне и требует учета прагматических свойств высказывания. В качестве иллюстрации данного положения рассмотрим ряд предложений с глаголом **must**, при анализе которых лингвисты отмечают возможность их двойной интерпретации. Ср.:

The baby **must** eat what is good for him:

a) It is necessary that the baby eat what is good for him; b) It is certain that the baby eats what is good for him [4, p. 187].

John **must** sleep in the car: a) John is obliged to sleep in the car; b) It is certainly the case that John sleeps in the car [3, p. 92].

М. А. Хэлидэй также рассматривает возможность двойной интерпретации предложения You **must** be very sympathetic. Его можно понять двояко: «You are required to be very sympathetic»; «It is obvious that you are very sympathetic». В то же время М. А. Хэлидэй отмечает, что предложения You **must** be very careful и You **must** be very careless означают соответственно You are required to be careful и It's obvious that you are careless, т. е. двойной интерпретации не предполагают [2, p. 326].

М. А. Хэлидэй ограничивается констатацией возможности той или иной интерпретации смысла предложений с глаголом **must**, основывая свои примеры лишь на семантических различиях компонента инфинитива **be** и не связывая их с конкретной ситуацией, в зависимости от которой коммуникативный смысл анализируемых предложений может быть охарактеризован иначе. Например, как это подтверждают и информанты, реплика режиссера в адрес актера во время репетиции «You **must** be very careless» может быть истолкована как «You are required to be very careless (because Mr. N., whose role you are playing is a very careless person)». Естественно, приводимые М. А. Хэлидеем примеры интерпретируются в большинстве случаев в том смысле, в каком он понимает их сам. Это объясняется лишь тем, что подобные отрывки в речевой деятельности носителей языка чаще всего ассоциируются с ситуациями, которые соответствуют закладываемому смыслу.

Таким образом, изучение прагматико-коммуникативного аспекта речевых высказываний, содержащих модальные глаголы, ставит перед лингвистами следующие задачи: определение роли модальных глаголов в общем коммуникативном смысле высказывания, установление характера зависимости между коммуникативной направленностью высказывания и традиционно выделяемыми функциональными типами предложения и т. д.

Список литературы: 1. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. 2. Halliday M. A. K. Functional diversity in language as seen from a consideration of modality and mood in English.— In: Foundations of English. International Journal of Language and Philosophy, 1970, 6, No 3, p. 324—339. 3. Hermeren L. On Modality in English. A Study of the Semantics of the Modals. L., 1978. 4. Langendoen D. T. Essentials of English. N. Y., 1970. 5. Leech G. Meaning and the English Verbs. L., 1971. 6. Leech G. Explorations in Semantics and Pragmatics. Amsterdam, 1980.

Поступила в редколлегию 17.10.84.

Н. И. МАСЛОВА

К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНДИИ

Интерес лингвистов к языковым проблемам освободившихся стран обусловлен взаимодействием ряда факторов. Важнейшими из них являются: а) крушение колониальной системы империализма, возникновение на политической карте мира молодых независимых государств, консолидация наций и рост их национального самосознания; б) необходимость учета «нужд языковой деколонизации» [3, с. 14], как одной из составляющих общего процесса демократического обновления; в) изучение особенностей социального функционирования национальных (автохтонных) языков и бывшего колониального языка наряду с исследованием их структурного многообразия; г) определение социального статуса бывшего колониального языка в общей социально-коммуникативной системе освободившихся стран и его места в макросистеме полинационального языка.

Анализируя статус английского языка в Индии (ІЕ), попытаемся определить место ІЕ в плане его социальной роли на современном этапе развития республики, а также отношение ІЕ к английскому языку как архисистеме.

Политический аспект языковой проблемы, в частности статуса бывшего колониального языка, привлекает внимание как ведущих индийских ученых, так и советских исследователей. «Языковой вопрос в Индии,—пишет К. Л. Ганди,—всегда представлял определенную сложность, обусловленную этническим и культурным разнообразием... В настоящее время эта проблема еще более услож-

нилась, поскольку она приобрела политическую окраску» [2, с. 17]. Л. Б. Никольский указывает на один из важнейших аспектов языковой ситуации в Индии — проблему выбора языка (автохтонного или западноевропейского) в качестве макропосредника [4, с. 96].

В исследованиях советских и индийских ученых, посвященных анализу языковой ситуации, рассматриваются ее различные аспекты в современной Индии и, в первую очередь, особенности социально-коммуникативной системы в плане взаимодействия автохтонных языков с языком бывшей метрополии [2—4, 9—17]. Языковая ситуация в стране сложна и многоаспектна: нерешенность проблемы официального языка, различные возможности выбора автохтонных или западноевропейского языков в качестве макро- и микропосредников, сложность субстрактно-адстратных отношений и т. д. Поскольку в социально-коммуникативной системе Индии тесно переплетаются эндогlossные и экзогlossные элементы, функции официального и повседневного общения сравнительно отчетливо разделены [10, с. 107; 14, с. 668; 16, с. 165]. Применительно к языковой ситуации Индии это означает сосуществование автохтонных и английского языков. В республике насчитывается 15 национальных языков, имеющих литературную традицию, причем хинди имеет конституционный статус официального языка [14, с. 668], английский — вспомогательного официального языка [16, с. 173]. В такой сложной языковой ситуации английский выступает, по мнению советских и индийских ученых, как фактический макро-миди-минипосредник [2, с. 129; 3, с. 11; с. 6, с. 99; 9, с. 211]. Однако английский язык не соответствует требованиям, предъявляемым к языку-макропосреднику. Он «не выполняет максимального количества коммуникативных функций» [3, с. 11] и не является «нейтральным для всего народа» [2, с. 23]. Об этом свидетельствует и коммуникативный индекс английского языка (0,00072), который значительно уступает данному показателю хинди, самому высокому в стране (0,12012) [15, с. 210]. В этой связи следует помнить о перспективе автохтонного языка (хинди) и о тех мероприятиях, которые проводит правительство Индии для развития национальных языков, чтобы обеспечить им широкую возможность выполнения различных социальных функций в стране. На подобные положительные тенденции в развитии национальных языков указывают и советские, и индийские ученые [6, с. 99; 2, с. 96—105]. «Оптимальное соблюдение общеиндийских интересов» [2, с. 129] с учетом особенностей социально-коммуникативной системы страны и национально-языковых проблем Индии предполагает введение формулы «двух-трех-четырёх языков» [13, с. 149], пока хинди является официальным языком Индийского Союза, а региональные языки смогут выполнить весь объем социокоммуникативных функций в стране. Большинство индийских ученых полагает, что именно такое решение проблемы языков макро- и микропосредников социально прогрессивно [2, с. 121; 13, с. 142]. Правильность такой точки зрения подтверждается и в работах советских исследо-

вателей, изучающих проблемы ИЕ с точки зрения его отношения к ВЕ и внутренней дифференциации языка [6, с. 99; 7, с. 4—5]. Существуют различные точки зрения на проблемы нормы и социальной дифференциации английского языка в Индии. С одной стороны, признается наличие вариантной нормы, отличающейся от ВЕ [17, с. 74], а с другой — существование такой нормы отрицается [14, с. 666]. Некоторые исследователи выдвигают тезис о социальной дифференциации ИЕ. Советские лингвисты отмечают, что на фонетическом [5, с. 7] и лексикофразеологическом [7, с. 8] уровнях можно говорить о наличии нормы ИЕ отличной от ВЕ и АЕ, в то время как на синтаксическом уровне наблюдаются «только намечающиеся тенденции развития нормы» [1, с. 16]. С проблемой нормы ИЕ связан и вопрос о социальной стратификации английского языка в Индии. Индийские и советские ученые [17, с. 83; 1, с. 6; 7, с. 8] допускают в некоторой степени стратификацию ИЕ в виде субстандартных языковых образований типа «Baboo English and Butler English» [1, с. 6], которые по-разному «социализируют языковую ситуацию» [11, с. 47] современной Индии.

В настоящее время ИЕ трактуется таким образом: 1) *Lingua Franca* (*лингва франка*) [14, с. 665—666]; 2) официальный язык — посредник или вспомогательный общеиндийский язык-посредник [16, с. 166; 17, с. 82]; 3) вспомогательный официальный язык [13, с. 142]. Все они отражают «взгляд изнутри» на социальный статус ИЕ. В этой связи следует помнить о необходимости «строго отличать английский язык как первый, родной язык населения от употребления английского языка (даже как второго государственного) теми языковыми группами, для которых он не является родным» [12, с. 250]. Необходимо также определить его статус относительно полинационального английского языка. Этот вопрос решается по-разному индийскими и советскими учеными: 1) вариант неродного (английского) языка и социорегиональный диалект [17, с. 73]; 2) территориальный вариант с локальным значением [7, с. 3]; 3) территориальная разновидность английского языка [5, с. 1]; 4) английский язык на территории Индии [1, с. 1]. Сюда можно отнести еще одно определение, сформулированное применительно к французскому языку в Африке — «территориальный вариант неродного (бывшего колониального) литературного языка с ограниченным набором социальных функций» [8, с. 63]. Определение (1), на наш взгляд, адекватно отражает особенности функционирования английского языка в Индии, однако в нем недостаточно четко прослеживается принцип последовательности отбора лингвистических и экстралингвистических параметров. Определение (2) при группировке языков включает такие, как индийский и ирландский, тем самым затушевывая специфику присущих им субстратно-адстратных отношений; подходы (3—4) характеризуются определенной узостью идентификации, т. е. нечетко выступает диалектика противопоставления «национальный вариант (разновидность языка) — вариант (разновидность неродного языка)». Термин,

предложенный А. И. Чередниченко [8, с. 63], предполагая последовательный отбор лингвистических и экстралингвистических признаков при определении варианта неродного языка, тем не менее только частично отражает специфически индийские аспекты «социализации языковой ситуации» [11, с. 47], вследствие чего он может быть только частично релевантен для определения статуса английского языка в Индии.

Рассматривая статус ІЕ в архисистеме полинационального английского языка, полагаем, что он представляет собой региональный субвариант. Во-первых, ІЕ обслуживает весь регион и имеет паниндийский характер [17, с. 74]; во-вторых, он обслуживает нацию в целом, не являясь ни в Индии, ни в одной из сопредельных стран первым официальным государственным языком; наконец, ІЕ обладает рядом специфических особенностей (фонетических, лексических, грамматических), лишь частично изученных языковедами. Употребление термина «региональный» применительно к английскому языку на полуострове Индостан может быть обосновано рядом лингвистических и экстралингвистических факторов: а) частичной изоморфностью субстратов, т. е. на субконтиненте английский накладывается на общий, частично изоморфный субстрат (15 языков межнационального общения, некоторые из них одновременно являются государственными языками сопредельных стран); б) спецификой ситуации языкового контакта в условиях полилингвизма, при которой происходит взаимопроникновение языков в двух направлениях (западноевропейский ↔ автохтонные языки), в результате чего имеет место индионизация, т. е. хиндинизация, тамилзация и т. д. английского языка, и англизация индийских языков [17, с. 75]; в) на субконтиненте английский язык функционирует на фоне сложных субстратно-адстратных отношений в условиях билингвизма и полилингвизма, выступая в отношениях функциональной дополнительности к автохтонным языкам.

Таким образом, ІЕ в отношении к автохтонным языкам является вторым государственным языком с ограниченной сферой коммуникативной деятельности в качестве макропосредника и низким коммуникативным индексом, а в отношении его к архисистеме полинационального языка ІЕ — региональный субвариант с набором социотерриториальных разновидностей.

Список литературы: 1. Власко Н. К. Вариативность и норма в синтаксисе современного английского языка в Индии. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 2. Ганди К. Л. Языковая политика в современной Индии. М., 1982. 3. Никольский Л. Б. Роль языка и языковая политика в афро-азиатских странах. — В кн.: Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977, с. 5—28. 4. Никольский Л. Б. Язык и идейно-политическая борьба. — Народы Азии и Африки, 1981, № 2, с. 96—105. 5. Плечко Ж. П. Фонетические и лексико-фразеологические особенности английского языка в Индии. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 6. Семенец О. Е. Английский язык в развивающихся странах Азии и Африки. — В кн.: Варианты полинациональных литературных языков. К., 1981, с. 99—112. 7. Тулатова Е. А. Особенности лексики территориального варианта английского языка в Индии. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

8. *Чередниченко А. И.* Язык и общество в развивающихся странах Африки. К., 1983.
9. *Чернышев В. А.* К проблеме языка-посредника.— В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 208—210.
10. *Швейцер А. Д., Никольский Л. Б.* Введение в социолингвистику. М., 1978.
11. *Швейцер А. Д.* К проблеме социальной дифференциации языка.— *Вопр. языкознания*, 1982, № 5, с. 39—48.
12. *Ярица В. Н.* Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
13. *Apte M. L.* Multilingualism in India and its Socio-political Implication.— In: *Language and Politics*. Hague; Paris; Mouton, 1976, p. 141—150.
14. *Arya R. C.* Lingua Franca in India: A Language Planning Issue.— In: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Univ*, 1979, No 5, S. 665—667.
15. *Dya H. R., Sharma S.* Language Diversity, Bilingualism and Communication in India.— In: *Indian Linguistics*, 1978, 38, No 4, p. 210—220.
16. *Katre S. M.* The Official language and National Languages of India.— In: *Language and Society in India*. Proc. of a Seminar, Simla, 1969, p. 165—167.
17. *Verma Sh.* Swadeshi English: Form and function.— In: *Indian Linguistics*, 1981, 41, No 2, p. 74—84.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

Е. И. НЕСТЕРЕНКО

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ МЕСТОИМЕНИЯ ÇA (CELA) В ФУНКЦИИ УСИЛИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ

В настоящее время лингвисты обращают особое внимание на широкое распространение усеченного указательного местоимения ça, которое выполняет не только присущие ему функции, но и полного местоимения. В современном французском языке ça почти вытеснило cela в роли эксплетивной усилительной частицы при вопросительных словах и словах-предложениях, выражающих утверждение или отрицание. Присоединение к вопросительным словам усилительной частицы ça объясняется стремлением в разговорной речи выделить, подчеркнуть высказывание, придать большую выразительность слишком короткому вопросительному слову. При вопросительном слове она является эксплетивным элементом, т. е., как правило, не имеет четкого семантического содержания, а служит для выражения эффективности.

В зависимости от ситуации, контекст передает различные смысловые оттенки, содержащиеся в вопросе. Ça с вопросительным словом может выражать:

- ирония* Qu'est-ce que c'était que ce mari en province? Oû ça, d'ailleurs? [1, p. 117];
- изумление* Comment? Tu as vu Luc aujourd'hui? Oû ça? [2, p. 529]; Eh bien, fichons-nous de lui... — Comment ça? [7, p. 160];
- возмущение* Tu devrais me dire merci de ne pas chercher à te garder célibataire... — Pourquoi ça par exemple! [1, p. 178].

Для придания большей экспрессивности при вопросительном слове могут употребляться и другие средства (donc, par exemple):

- Tiens! qui donc ça? [12, p. 96]; Comme elle le répétait souvent, pourquoi donc oui ça? [14, p. 413].

Часто в эллиптическом вопросе *ça* употребляется как антиципирующий элемент, содержание которого раскрывается последующим словом:

Elle vous attend.— *Qui ça? Bérénice?* [1, p. 54]; Ils avaient besoin d'un patron pour un nouveau navire, et ils m'ont remercié du cadeau que je leur faisais.— *Qui ça «ils»?* [6, p. 356].

Однако эксплетивная частица может присоединяться не ко всем вопросительным словам. Так, в эллиптических конструкциях она не употребляется с *combien*, *lequel*. Невозможно употребление *ça* и при вопросе к дополнению со значением не-лица. Например, в следующих конструкциях *ça* не является частицей, а знаменательным словом, выполняющим анафорическую функцию:

— *J'étais venue pour t'apporter ça.*

— *Quoi ça?*

Jessica, sortant le revolver de sa poche...

— *Ça* [13, p. 116].

Не применяется усилительная частица со сложными вопросительными словами *par où?*, *depuis quand?*, *avec qui* etc. В данном случае *ça* также не является частицей:

...toujours on le rencontrait par les cours du palais avec *une poignée d'avoine* ou *une bottelée de sainfoin*, dont il secouait gentiment les grappes roses en regardant le balcon du Saint-Père, d'un air de dire: «Hein!.. pour qui *ça?*» [6, p. 36].

По мнению некоторых ученых [10], *ça* не может фигурировать в распространенном вопросительном предложении *où ça allez-vous?* В этой функции она частично сохраняет еще свое анафорическое значение, так как репрезентирует предшествующее или антиципирует последующее высказывание и фиксирует на нем внимание. Р. Лаган считает, например, что применение *ça* как частицы в полном вопросительном предложении характерно только для просторечия [8]. Первая часть высказывания может рассматриваться при этом как эллиптическая конструкция, а вторая, присоединяющаяся при помощи союза *que*, служит для разъяснения первой (*Où ça que vous allez?*).

Однако невозможность употребления *ça* в вопросе *où ça allez-vous?* объясняется скорее фонетическими причинами, так как здесь стыкуются две гласные, что обычно неприемлемо во французском языке. Именно поэтому в просторечии вставляется союз *que* и изменяется вся конструкция. Мы выявили ряд примеров применения *ça* в полном вопросительном предложении:

Quand ça m'enlèverez-vous? [9, p. 327]; *Mais qui ça peut-il être?* [2, p. 460].

Если *ça*, выделяющая вопросительное слово, всегда следует за ним, то она выполняет функцию усилительной частицы при словах, выражающих утверждение или отрицание (*oui*, *non*), и нахо-

дится в препозиции к этим словам. В данном случае *ça* служит не только усилительной частицей, но и поддерживает семантическую связь между предшествующей и последующей частями высказывания:

Mais vendre l'Huma le dimanche, *ça* non [2, p. 386]; A mon avis, tu pourrais travailler... — *Ça* non! Je ne quitterai jamais La Fouve [4, p. 137].

В роли элемента, выделяемого при помощи *ça*, могут выступать и другие слова, способные выражать утверждение и отрицание:

Point d'arguments dubitatifs! De ratiocinages perfides! Ah! *ca*, jamais! [5, p. 368];

Il était dur avec elle... *Ça* vraiment on peut pas dire qu'elle ait jamais manqué de courage ni de persévérance!.. [5, p. 414];

Au cabanon, vous voulez dire! au Dépôt! Oui?! *Ça* sûrement! [5, p. 340];
«Vous ne pouvez pas imaginer ce que l'arrestation de Lebecq les a remués à la Banque. Et s'il n'y avait pas la Finlande...» Il secouait sa barbiche. *Ça* évidemment... [3, p. 112].

При *oui* или *non* иногда употребляются сразу два или три усилительных элемента (*ça* и какое-либо знаменательное слово или междометие *Ah*):

Mme Duvigne était prise de l'envie de lui faire la cuisine. Ah, *ça*, non! [1, p. 389];

— *Ça* oui, répondit Mado avec véhémence, *ça* vraiment oui [11, p. 136];

Ah *ça*! vraiment non! [5, p. 367].

Следует отметить общую тенденцию, присущую различным уровням разговорной речи: чем ниже уровень, тем сильнее проявляется стремление разговорной речи к экспрессивности, тем большее количество форм использует разговорная речь для выделения отдельных элементов высказывания. Статистический анализ употребления *cela* (*ça*) в функции усилительной частицы, проведенный на материале художественных произведений XIX—XX вв., свидетельствует о следующем. Во-первых, резко усилилась тенденция подчеркивать вопросительные слова и слова, выражающие утверждение и отрицание, при помощи *ça*; во-вторых, *ça* вытеснила местоимение *cela* при вопросительном слове.

Список литературы: 1. Aragon L. Aurélien. P., 1944. 2. Aragon L. Les communistes, v. 1. P., 1967. 3. Aragon L. Les communistes, v. 2. P., 1967. 4. Bazin H. Qui j'ose aimer. P., 1974. 5. Céline L.-F. Mort à crédit. P., 1964. 6. Daudet A. Contes et nouvelles. P., 1958. 7. Guitry S. Je t'aime. P., 1960. 8. Lagane R. Modèle descriptif et modèle pédagogique.— Le français dans le monde, 1976, N 121, p. 18—23. 9. Maupassant G. Bel-Ami. P. 1953. 10. Porquier R. L'emploi de *ça* en français parlé.— Le français dans le monde, 1972, N 92, p. 9—16. 11. Queneau R. Zazie dans le métro. P., 1968. 12. Sand G. Horace. P., 1959. 13. Sartre J.-P. Les mains sales. P., 1948. 14. Zola E. Au bonheur des dames. P., 1956.

Поступила в редколлегию 01.10.84.